

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд
НИКИТИН

«Public Domain»

1913

Айхенвальд Ю. И.

Никитин / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1913 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32377-3

«Во всей поэзии Никитина виднеется известная грань, которая должна бы отделять его день от его ночи, его реальность от его мечты. Была суждена ему жизнь, лишенная целостности. День проводил он на людях, и было кругом него и в нем самом крикливо, шумно, суетно, и на своих страницах Никитин не стесняется даже, перед поэзией и перед своим бытом, часто употреблять эпитет «грязный», и в самых стихотворениях у него не раз торгуются, – цепко держала его тогда в своих когтях самая неприглядная проза; но когда наступала ночь и приносила с собою не только физическое уединение, поэт отдавался тишине и стихам, и, освобожденное от дневного сора, к своей первобытной чистоте взывало его живое сердце...»

ISBN 978-5-457-32377-3

© Айхенвальд Ю. И., 1913

© Public Domain, 1913

Юлий Исаевич Айхенвальд Никитин

Во всей поэзии Никитина виднеется известная грань, которая должна бы отделять его день от его ночи, его реальность от его мечты. Была суждена ему жизнь, лишенная целостности. День проводил он на людях, и было кругом него и в нем самом крикливо, шумно, суетно, и на своих страницах Никитин не стесняется даже, перед поэзией и перед своим бытом, часто употреблять эпитет «грязный», и в самых стихотворениях у него не раз торгуются, — цепко держала его тогда в своих когтях самая неприглядная проза; но когда наступала ночь и приносила с собою не только физическое уединение, поэт отдавался тишине и стихам, и, освобожденное от дневного сора, к своей первобытной чистоте зывало его живое сердце.

Святая ночь! Теперь я чужд
Дневных тревог, насущных нужд.
Они забыты. Жизни полны,
Виденья светлые встают:
Из глубины души, как волны,
Слова послушные текут.
И грустно мне мой труд отрадный,
Когда в окно рассвет блеснет,
Менять на холод беспощадный,
На бремя мелочных забот...
И снова жажду я досуга,
И темной ночи жду, как друга.

Или тот же мотив звучит в стихах, напоминающих нечто пушкинское (особенно в первой строфе):

Пускай сыны тщеславия и лени,
Поклонники мгновенных наслаждений,
Изысканность забав своих любя,
В них радости находят для себя
И на алтарь непостоянной моды
Несут, как дань, часы своей свободы.
Милее мне мой уголок простой,
Божественной иконы лик святой,
И перед ним горящая лампада,
И тихий труд, души моей отрада...

.....

И опять — неприветливое отношение к рассвету, который разлучает с одиночеством любимых дум.

Однако день не проходит бесследно и безнаказанно для ночи: его пережитые впечатления не могут совершенно улетучиться. И та «семья забот», которая окружала писателя днем, не делала его бессемейным и ночью. Осадок утомленности, что-то помутненное, раздробленность интересов — это все слышится у Никитина и придает его поэзии колорит серый, пронизывает ее жалобой, унынием, которых не может вполне рассеять даже любимая поэтом цветущая природа, его родная степь:

О, степь! люблю твою равнину,
И чистый воздух, и простор,
Твою безлюдную пустыню,
Твоих ковров живой узор,
Твои высокие курганы,
И золотистый твой песок,
И перелетный ветерок,
И серебристые туманы...

Неудовлетворенная душа смотрит на нас из его стихов, – не удовлетворенная ни самой собою, ни внешней действительностью. Жизнь рисуется ему как степь или как замирающий в этой степи случайный огонек. Идешь, идешь точно по какой-то «степи неоглядной, глуши безответной, дали безотрадной».

Нет в этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло да сгибло без времени,
Спит точно мертвое, спит как убитое,
Солнышком Божьим навеки забытое.

Это, конечно, большое горе – не встречать ни кустика зелени. По отношению к Никитину такое отсутствие зеленого, сплошная безотрадность, унылый пейзаж существования должны были еще более оттеняться тем, что, как мы уже упомянули, зеленое в буквальном смысле, красота природы были ему очень близки и желанны, и самое художественное, что есть в его поэзии, – это именно его ландшафты, картины степи, леса, воды, города.

Если день – базар, а ночь – тишина, то стихией ночи была объята для нашего автора и сама природа: он был ее, природы, гость нелишний, со своей думой и песней, – она успокаивала его, учила, лечила и ласковым дыханием обвевала горячую голову; она поселяла в душе то задумчивое и тихое, в чем отказывала жизнь. Утешение живого, будущий приют мертвого, «синела степь безграничной далью», и, поэт степи, Никитин воспевал ее красивой и красочной мелодией стихов.

Так как вообще его поэзия нетребовательна, то и к пейзажу относится он так, что последний удовлетворяет его самой простотою своею, и даже эту простоту он умеет разбирать на отдельные подробности, – он разлагает элементы. Его ухо слышит и то, как в прохладе вечера «едва упадет насекомым подточенный лист». Его слепой гуслир говорит о себе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.